

Глава 41

Ли Чаньюй с сочувствием посмотрел на Гуань Инцзюня.

Мужчина повернулся к столику с напитками и перелил остатки апельсинового сока в дорожную кружку.

— Сяо Чэнь, возьми с собой в дорогу.

Обе стороны ему были одинаково дороги. Один — почти приёмный сын, другой — его первый и лучший ученик.

Ли Чаньюй взглянул на точёное, словно нефритовая статуэтка, лицо Цзянь Жочэня, и слова о том, что нужно простить Гуань Инцзюня, застряли у него в горле. Профессор смог лишь выдавить:

— Я с ним уже поговорил.

— Спасибо, учитель, — юноша принял стакан обеими руками и, заметив нерешительность собеседника, добавил: — Учитель, не стоит переживать. Я работаю за деньги, и наши отношения с сэром Гуанем чисто деловые, взаимовыгодные.

Его тон был спокойным и ровным, а трезвый рассудок доходил до холодной отстранённости.

— Я получаю половину зарплаты сэра Гуаня и, естественно, буду выполнять свои обязанности консультанта. Не волнуйтесь за нас, я не поставлю вас в неловкое положение.

Ли Чаньюй ошеломлённо смотрел на него.

«Какой невероятный самоконтроль. Он просто рождён для изучения психологии»

Это был чистый талант. Но для Гуань Инцзюня подобное не сулило ничего хорошего.

Цзянь Жочэнь обернулся:

— Пойдёмте, сэр Гуань.

В комнате повисла тишина.

Гуань Инцзюнь, опустив глаза, смотрел на него. В душе у него бушевала буря, и он с трудом

подавил подступившую к горлу горечь. Глубоко вздохнув, инспектор заставил себя собраться.

— Идём.

Ли Чаньюй впился в него взглядом.

«Упрямец. И это всё? Просто «идём»? Думаешь, любовь сама свалится тебе на голову, как пирог с неба?»

Этот взгляд был почти осязаем. Гуань Инцзюнь тут же протянул руку к стакану с соком.

— Давай я понесу.

Цзянь Жочэнь мельком взглянул на него и отпустил стакан.

— Мгм, спасибо.

Бесплатная рабочая сила, почему бы и не воспользоваться.

Гуань Инцзюнь взял стакан, и на душе у него стало немного легче. Проходя мимо окна, у которого юноша останавливался по приезде, он спросил:

— Под Джардин-хаус есть торговый центр. Хочешь сходить? Когда?

— Давайте сначала закончим с делом, — ровным тоном ответил Цзянь Жочэнь. — Судя по всему, свободного времени у нас будет немного.

Инспектор смотрел на идущего в полушаге от него молодого человека. Тот был моложе лет на шесть-семь и обладал той самой юношеской энергией, присущей человеку в расцвете сил. Его лицо, ещё не утратившее детской мягкости, было прекрасно андрогинной красотой. Каждая черта, казалось, была искусно выточена из белого нефрита. Даже волосы, невероятно мягкие, словно тончайшие нити шёлка, развевались на ветру, пленяя и завораживая.

Чем дольше он смотрел, тем сильнее в его груди разгорался огонь.

Какое к чёрту «чисто деловые»? Он не хотел этого. Неужели Цзянь Жочэнь, который так легко очаровывал людей, со всеми будет придерживаться лишь формальностей? Неужели ему придётся безучастно смотреть, как этот парень стоит рядом с кем-то другим?

Раскалённая лава в душе мужчины бурлила, обжигая грудную клетку изнутри, заставляя его мучиться.

Он вдохнул. Нужно извиниться. Но извиниться — это одно, а быть прощённым — совсем другое.

Жочэнь почувствовал этот обжигающий взгляд. Во рту пересохло, ресницы дрогнули.

«Смотрит, не отрываясь, но молчит. Кажется, его настроение изменилось. Что ему сказал учитель Ли?»

Он искоса взглянул на Гуань Инцзюня и отпрянул, поражённый огнём в его глазах.

«Это выражение я понимаю... Я ему нравлюсь?»

Стоит ли проверить?

Любопытство терзало Цзянь Жочэня, словно кошачья лапка царапала душу.

Сэр Гуань открыл дверцу машины, они сели и поехали к месту, которое указал Чжан Синцзун. Путь им преграждали сплошные красные сигналы светофора.

На каждой остановке Гуань Инцзюнь поворачивал голову и смотрел на Цзянь Жочэня. Немного помолчав, он наконец произнёс:

— Дядя Ли сказал, у тебя либо диссоциативное расстройство идентичности, либо просто душа сменилась.

Юноша вздрогнул от неожиданности.

«Учитель Ли настолько в теме?»

Впрочем, это было логично. В ФБР информация циркулировала быстро, а в Америке хватало и ведьм-медиумов, и разных культов. Отдел поведенческих наук BSU имел большой опыт в подобных делах.

Сэр Гуань, заметив его широко раскрытые глаза, усмехнулся:

— Он ещё рассказал, что в Америке встречал ведьму, которая могла говорить с мёртвыми и раскрывала дела быстрее него.

— Ого, — протянул Жочэнь, кивнув. — Учитель Ли действительно много повидал.

Гуань Инцзюнь осторожно подбирал слова.

— Я больше не буду тебя проверять, не...

Загорелся зелёный.

Мужчина резко замолчал. Он тронулся с места, направляясь к месту преступления, и, поворачивая руль, закончил фразу:

— Не сердись. В этот раз я был неправ.

— Угу, — тихо отозвался консультант. — Я не сержусь. Исключение подозреваемых и тщательная проверка всех сомнительных моментов в ходе расследования — ваша работа. Я вас не виню.

Эта фраза прозвучала так мягко и по-человечески, что инспектору на миг показалось, будто их отношения вернулись в прежнее русло. Но что-то неуловимо изменилось. Раньше Цзянь Жочэнь, прислонившись к дверце машины, сыпал шутками и комплиментами. Теперь же — ни слова.

И всё же, такой Жочэнь ему тоже нравился — гордый и пронизательный, как маленький лис.

Гуань Инцзюнь припарковал машину недалеко от полицейского оцепления и вышел. Сделав шаг, он замер.

«В первый день нашего знакомства я подумал: тот, кто осмелится потерять бдительность рядом с ним, попадётся на крючок. Он закружит голову, очарует, одурманит»

Теперь одурманенным оказался он сам.

Они подошли к ленте оцепления. Патрульный, охранявший периметр, тут же поднял ярко-жёлтую ленту. Гуань Инцзюнь, пригнувшись, прошёл внутрь, а затем приподнял её повыше, пропуская Цзянь Жочэня.

Криминалисты из отдела Западного Цзюлуна уже осматривали место происшествия. Изначально дело поступило в районное управление, но из-за особой жестокости было передано в окружной отдел. Полицейские из районного ещё оставались на месте.

— Колин! Передай уже протоколы окружным криминалистам, хватит тянуть!

— Да знаю я, знаю... — недовольно пробормотал Колин, бросив взгляд на сэра Гуаня. — Окружной отдел, окружной отдел... Что, шишки самые важные? Забирают любое дело, какое захотят. Так нам никогда заслуги второго класса не видать.

Гуань Инцзюнь привык к подобному и сделал вид, что не слышит.

— Быстрее, не тратьте время, — приказал он.

Тон был холодным, но сдержанным, что придало Колину смелости. Он перевёл взгляд на идущего следом юношу, его глаза задержались на необычных светлых волосах, и он произнёс уже громче:

— Расследование так расследование, зачем с собой вазу притаскивать?

Папарацци за лентой оцепления тут же учуяли запах сенсации. Они вскинули камеры, и в темноте замелькали вспышки. Вспышки фотоаппаратов 90-х годов были отдельными устройствами, и репортёры не скупилась на мощные лампы.

Стена ослепительного света ударила в глаза. Цзянь Жочэнь тут же зажмурился и отвернулся, но перед глазами уже плясали белые пятна, а из ресниц невольно покатались слёзы.

Инспектор обернулся и, посмотрев на папарацци, произнёс голосом, в котором клокотала ярость:

— В радиусе пятидесяти метров от места преступления фотосъёмка без разрешения запрещена. Прошу всех удалиться.

Колин опешил. Он с подозрением переводил взгляд с консультанта на инспектора, и его удивление достигло пика, когда сэр Гуань достал из кармана флакон с глазными каплями и протянул их юноше.

«Поздняя ночь, а из всего отдела по расследованию особо тяжких преступлений Западного Цзюлуна только Гуань Инцзюнь приехал вместе с этим Цзянь Жочэнем. Неужели они живут вместе?»

Он презрительно хмыкнул.

«Отдел по связям с общественностью окружного управления расхваливает этого внештатника на все лады, а на деле, небось, просто лепят очередного героя. Мастера таких дел. Поставят перед камерой какого-нибудь смазливую актёршечку, и вот он уже эксперт. Иногда для пушией убедительности их даже отправляют на пару месяцев в полицейскую академию и выдают самый низкий чин. Всё это — чистой воды пиар... Наверняка и этого Цзянь Жочэня раскручивают так же. Какой толк может быть от парня, который даже университет не закончил?»

Цзянь Жочэнь протянул руку за флакончиком, но из-за вспышек перед глазами всё плыло. Он, не видя толком, куда тянется, ухватился за большой палец Гуань Инцзюня и потянул его на себя, словно это и был флакон.

Сэр Гуань почувствовал, будто юноша схватил его не за палец, а за самое сердце. От одного этого лёгкого, случайного прикосновения всё его тело пронзила дрожь, отдавшаяся даже ломотой в зубах.

— Я закапаю? — хрипло спросил он.

Жочэнь хотел было отказаться, но тут же вспомнил, что собирался проверить своего спутника. Слова замерли на языке, и он, вскинув голову, приблизился.

— Хорошо, я ничего не вижу. Закапай.

Дыхание инспектора сбилось. Такой ракурс, этот затуманенный слезами взгляд, полуприкрытый ресницами, заставлял сердце биться чаще. Тонкие губы приоткрылись, и кончик языка, влажный и блестящий, скользнул по ним, тут же скрывшись.

Гуань Инцзюнь, действуя с поразительной быстротой, раздвинул ему веки и аккуратно выдавил несколько капель.

Цзянь Жочэнь на мгновение закрыл глаза. В его голосе слышались смешливые нотки:

— Мы стоим тут за спиной у патрульного, капаем в глаза... Похоже, будто пользуемся служебным положением в личных целях, правда?

Сказав это, он тут же открыл глаза, чтобы увидеть реакцию Инцзюня. Пелена рассеялась, и взгляд его стал поразительно ясным. Кадык мужчины дёрнулся несколько раз.

— Что ты имеешь в виду? — его голос охрип.

Консультант шагнул вперёд. Если он сегодня не выяснит правду, то от любопытства не сможет уснуть. Инспектор сам его провоцировал, так почему бы не ответить тем же?

Сердце забило чаще. Цзянь Жочэнь с лёгкой улыбкой положил руку на плечо Гуань Инцзюня, затем провёл ладонью вниз, коснулся запястья, пальцев и, наконец, вложил свою руку в его.

— Я плохо вижу, проведи меня.

Мужчина застыл в темноте, словно восковая фигура, готовая вот-вот оплавиться. Он был благодарен темноте, надёжно скрывавшей все его греховные помыслы. Ведя юношу за руку, он снова заговорил:

— Прости, я сегодня был неправ. Мне не следовало проверять тебя так жёстко. Возможно, стоило сначала поговорить, прежде чем везти тебя в Дашанто.

Он крепче сжал пальцы Цзянь Жочэня, его речь становилась всё быстрее. Это был первый раз, когда он по-настоящему держал его за руку. Всё, что было раньше, — лишь игра. Сейчас же он сам воспользовался случаем. Он мог бы отпустить, но не хотел.

— Не сжимай так сильно, — тихо попросил Жочэнь. Он прекрасно видел дорогу и не боялся упасть.

Гуань Инцзюнь немного ослабил хватку и повёл его к месту преступления. Ладонь в его руке была мягкой, с длинными, тонкими пальцами без единой мозоли. Гладкая, как шёлк.словно юркая рыбка.

Инспектор, слегка вскинув подбородок, позволял себе самые смелые фантазии, но вслух не решался произнести ни слова, лишь повторял, тщательно взвешивая каждое слово, свои извинения. Дойдя до места, откуда доносился тошнотворный трупный запах, Цзянь Жочэнь быстро выдернул руку.

Гуань Инцзюнь сжал пустой воздух, и его мысли невольно вернулись к реальности.

— Гуань Инцзюнь... — юноша уже не мог улыбаться. — Ты, конечно, даёшь.

«Да, хоть и не в полную силу, но он определённо возбудился. Честно говоря, когда я решил его проверить, то не ожидал такого результата. Всё-таки Гуань Инцзюнь обычно ходит с ледяным лицом и обращается с подчинёнными и подозреваемыми с безжалостной холодностью. А втайне, оказывается, так легко... ладно. Если подумать, он даже в таком состоянии смог сохранить самообладание и поехать на карьер Дашанто, чтобы меня проверить»

— ...Ты и вправду даёшь, — повторил Жочэнь.

— М? — переспросил сэр Гуань. — Я говорю, что не должен был тебя проверять, а ты мне — «ты даёшь»?

Цзянь Жочэнь... Он усмехнулся.

— Да, ты даёшь.

Три раза — и каждый раз с разным смыслом.

Гуань Инцзюнь понял, что последняя фраза была сказана с сарказмом, и не нашёл, что ответить. Он обвёл взглядом место преступления, и все посторонние мысли мгновенно улетучились. Время работать.

Колин, под предлогом передачи документов, всё это время шёл за ними. Он плохо слышал, о чём они шептались, но окончательно уверился, что консультант — просто пустышка.

«Хех, так близок с главой группы «А». Наверняка тут замешаны какие-то грязные делишки!»

Ему не терпелось посмотреть, как Цзянь Жочэнь «поможет» в расследовании. Если он действительно окажется подделкой, Колин продаст эту новость репортёрам.

«Кстати, это ведь его первый выезд на место с трупом? Интересно, не стошнит ли его?»

Местом преступления оказалась закусочная «Глиняные горшочки А Цзи в железных коробках», с вывеской из белых досок и красных иероглифов. Деревянная основа кое-где облупилась, а красная краска стекала каплями, похожими на кровь.

На кухне пол был липким от застарелого чёрного жира. Подошвы прилипали с чавкающим звуком. Взгляд Цзянь Жочэня упал на стену из сложенных друг на друга контейнеров для еды. Они были не слишком герметичны, и по краям некоторых сочилась кровь.

Рядом стоял бледный, как полотно, Чжан Синцзун. Его уже трижды вырвало. Увидев Цзянь Жочэня, он тут же попытался его остановить:

— Там слишком мерзко, не смотри.

— Всё равно придётся. Как иначе раскрыть дело? — юноша надел бахилы и вошёл, остановившись перед стеной из контейнеров.

В Сянгане были тысячи видов контейнеров для еды. Но он впервые видел такие, что были точной копией алюминиевых коробок из бара «1892». Такое количество могло быть произведено только на заводе.

Цзянь Жочэнь надел перчатки и, получив разрешение криминалистов, взял один из контейнеров и открыл его. Внутри лежала окровавленная человеческая рука. Это была женская рука, безжизненная, плоть уже начала отекает. На ногтях сохранился маникюр, а на пальце красовалось дорогое кольцо.

— Кольцо не сняли, значит, мотив — не ограбление.

Би Ваньвань с бледным лицом докладывала инспектору:

— Подозреваемый изнасиловал жертв, затем расчленил тела, отделил мясо от костей, приготовил и продавал в виде риса в горшочках, риса с жареным мясом и риса с солёными овощами. В каждый контейнер он клал не меньше двухсот пятидесяти граммов мяса.

К горлу Жочэня подкатил ком. Он сглотнул и, протянув контейнер Гуань Инцзюню, сказал:

— Этот контейнер и тот, в котором были наркотики, скорее всего, из одной партии.

С трудом подавив тошноту, он повернулся к Чжан Синцзуну:

— Вся эта стена — от одной жертвы?

Чжан Синцзун, давась рвотой, ответил:

— Нет... шестнадцать человек. Мы уже нашли шестнадцать правых рук.

Колин, вошедший следом в предвкушении зрелища, увидел стену и содержимое контейнера, разинул рот и издал оглушительный вопль, после чего его скрутило в приступе рвоты.

Цзянь Жочэнь подошёл и протянул ему носовой платок. Колин вцепился в мягкую ткань. Его лицо побагровело, и он с трудом процедил сквозь зубы:

— Спасибо.

— Не за что, — ответил Цзянь Жочэнь, затаив дыхание.

Тот замер.

«У этого внештатного консультанта такой мягкий характер?»

Офицер стоял с надутыми щеками, напрочь забыв о тошноте. Неужели он не слышал, что Жочэнь говорил снаружи? Не может быть, он специально не понижал голос. Он точно слышал.